

Июль-август 2004 - 24 сент. - с. 13

Исповедь счастливого человека

Юз Алешковский: «Российская действительность и на чужбине продолжает быть моей»

Ольга Дунаевская
Вашингтон

В минувший вторник, 21 сентября, Иосифу Алешковскому, больше известному в народе под именем Юз, исполнилось 75 лет. За отчетный период успел он немало. Попав в сталинский лагерь из армии – опаздывая на поезд, угнали будующие морячки машину секретаря крайкома, по дороге подравшись с патрулями, – начал писать песни. Вернулся, сменил массу профессий, остановившись на литературе. Стал популярным детским писателем. Кто в авторе «народных» песен «Окурочек» и «Товарищ Сталин, вы большой ученый» заподозрил бы автора книжки «Кыш и Двапортфеля»? С конца 60-х прекратил сотрудничество с совпечатью, переключившись на самиздат. Среди написанных им бестселлеров романы «Николай Николаевич», «Кенгуру», «Рука». В 1979-м, после публикации в альманахе «Метрополь», эмигрировал в США, где продолжает творить на территории штата Коннектикут.

Юз, вы еще в Союзе вполне по-американски стали «парнем, который сам себя сделал», сменив после лагеря немало рабочих профессий. Какая оставила наибольший след?

– Если коротко и стараясь быть точным, то шоферство. После лагеря я думал, куда пойти, – но особенно долго думать было нельзя, чтобы не загромоздить статью «тунеядство». Всерьез учиться дальше я не хотел и пошел в школу водителей. Первой машиной, на которой я ездил, был грузовик с надписью «Хлеб». Переходил с места на место – это было просто, а однажды по пьянке меня лишили прав, и я устроился землекопом. Восстановив права, пришел увольняться, а мне предлагают стать прорабом.

– И как – согласились идти в начальники?

– Согласился, а через полгода бросил все к чертовой матери. Вернулся в трест, где когда-то работал, и стал опять шоферить на аварийной машине – развозил слесарей, помогал завинчивать под землей огромные задвижки прохудившихся московских труб. Работал я там лет десять. Попутно начал писать, и когда появился договор на пер-

Юз и Яшка.

Фото из архива Юза Алешковского

вую книгу, ушел с работы, стал профессиональным писателем. С тех пор литературу. Сначала писал для детей, потом, перегрузившись опытом, стал писать «в стол», чувствуя себя при этом абсолютно свободным. А на советскую власть, кстати, я не обижаюсь – всегда мечтал быть шофером.

– Кто из писателей вас чему-то научил?

– Я с детства очень много читал. Особенно любил сказочников: братьев Гримм, Гауфа, Перро, Андерсена, русские народные сказки. Абсолютный переворот в моей жизни совершила книга, которую я прочел в Омске, в эвакуации, – «Тиль Уленшпигель» Шарля де Костера. Второй великой книгой стали для меня «Три мушкетера», третьей – «Граф Монте-Кристо».

Сейчас любимые писатели – Достоевский и Пушкин. А вообще люблю всех, кого любит нормальный среднестатистический человек, приобщенный к русской и европейской культуре. Вот кого не люблю – так это Флобера и Золя, что, впрочем, не является их недостатком.

– Читали много, а учиться не стали?

– Учился я неплохо, но, как теперь понимаю, был гиперактивным типом: не то что хотел вольничать, а просто не мог спокойно сидеть на уроке. В эвакуации я еще щенком был, но копал с матерью картошку, курил, воровал, влюблялся, хоть и невинно – в общем, был маленьким мужичком. И потом рос во дворе, хулиганил, много чего творил. Кончил семь клас-

сов школы рабочей молодежи, в некоторых сидел по два года. В конце школы пристрастился к писанию стихов, познакомился с иным кругом людей – и с тех пор его не покидаю.

– Заодно с литературой вы проявили себя отличным футурологом: в 50-х написали песню «Лесбийская советская», а в 60-х герой вашего романа «Николай Николаевич» становится донором спермы – тогда подобные сюжеты еще не стояли в повестке дня. Чего теперь ждать «в конце ствола»?

– Песни выразили мой лагерный опыт, хотя большинство их написано уже на воле. В перестройку Андрей Макаревич подвинул меня на запись диска, музыкально его оформил. Сам я бардом никогда не был, жизнь артиста не по мне: спился бы в сосиску. Я прозаик, и моя жизнь полна келейности и милого сосредоточения. И с самого начала, по дороге с писанием детских рассказов и киносценариев, хоть и был в них искренен, весел, – я ощущал голод по настоящей теме. А сюжет «Николая Николаевича» пришел как будто по интуиции, я вдруг почувствовал чисто языковые возможности, ставшие его словесной базой. Этой вещи я за многое благодарен. После нее я, тоже «в стол», написал «Кенгуру» – много сам смеялся, пока писал. Эти книги – об абсурде совковой действительности. А что касается «конца ствола», то у меня есть несколько рассказов, которые я думаю объединить в книге «Смерть в конце ствола». Они о прошлом – о жизни в советское время, когда она была проще и в то же время фантазмагоричней.

– Вы продолжаете писать стихи или песни?

– Нет, эти музы меня покинули. Сейчас я дописываю очень для меня тяжелый роман: время наше, действительность – российская, она и на чужбине продолжает быть моей. Что с романом будет, как на него отзовутся, меня сейчас мало интересует. Я и всегда писал для себя. Иногда читаю куски вслух жене. Для меня счастье – сиюминутное вдохновение и главное – чтобы оно продлилось до конца романа.

– «День тянется долго, а десять лет проходят быстро» – ваша цитата из лагерных афоризмов. В Штатах вы уже четверть века – какое ощущение времени во все-таки чуждой жизни?

– Людям свойственно одинаковое ощущение времени: день тянется долго, а двадцать пять лет прошли как единый миг. Во времени больше мнимости, и

такова суть воспоминаний. События, случившиеся четверть века назад, иногда кажутся ближе, чем то, что произошло недавно. У писателей, наверное, вообще ощущение времени более психологично.

– Некоторые ваши недавние вещи – хотя бы «Тройка, семерка, туз» – строятся на сленге, но сленг изменчив. Как вы, нечасто бывая в России, пополняете его запас?

– Сленг – составная часть моих сочинений, но и народной речи в целом. Поскольку наше время криминализировано еще со времен Октябрьской революции, такова и речь всего общества. Вот и в лексике президента проскакивают слова, которые употребляют урки. Между прочим, не вижу в этом ничего зазорного. И в своих текстах рядом со сленгом могу употребить, например, философский

кусок земли, с дубравой. Здесь я чувствую себя в раю – слава Господу и ангелам его, что мы тут оказались. Наслаждаюсь небесами, лесом. Недалеко есть пруд, где мы купаемся. Ира разводит цветы. Я делаю что-нибудь по дому, мы сами его приводили в порядок после покупки. А день как строится? Если хорошо спалось, что не всегда бывает – пил в Совке много, – встаю рано, пожу немного, кофейку попою, сажусь за сочинения, если муза, конечно, с кем-то там не изменяет. Гулять надо – вот гуляю с Яшкиным. Читаю во второй половине дня или ночью, когда не сплю, – и серьезное, и легкое, в том числе российские детективы. Хотя в последнее время что-то стали надоедать, а еще лет десять назад именно они знакомили меня с той жизнью, которой не было и в газетах, помогли ее почувствовать.

День тянется долго, а двадцать пять лет прошли как единый миг

или музыковедческий термин. Изменения, происходящие в языке, впитываю из газет (кстати, «Независимую» читаю давно, как только университетская библиотека стала ее выписывать), или болтая с друзьями, или приезжая в Россию.

– Вы много путешествуете?

– Один мой покойный друг, зубной врач и писатель Дод, сказал: «По призванию я – богатый путешественник». Так вот я тоже. Только бабки не всегда есть. Но ездим мы с женой очень много, особенно в Европу: Италия, Франция, Греция, Англия, Испания. Жили три месяца в Китае – жена там преподавала. Впечатлений о стране осталась масса – на Радио «Свобода» были мои очерки о Китае. Путешествовать, видеть мир – счастье; это, кстати, была одна из причин, по которым я свалил из Союза. Остаются Россия и Европа навсегда останутся родиной моей души, «священными камнями» – так Достоевский говорил. Мечтаю побывать в Буэнос-Айресе, но не из-за Борхеса или огромных бифштексов, которые там подают, а просто. Сейчас, правда, у нас груз – спаниель Яшка: некуда собаку девать.

– Как строится ваш американский день?

– Недавно мы купили дом в пустынном месте – Миддлтаун, штат Коннектикут – с огром-

– То есть вы счастливы. – Счастлив с первого шага моей свободной жизни – это случилось не здесь, а еще в Вене. Счастлив, что свободным могу быть на родине, хотя жизнь в России социально гораздо труднее, чем в Штатах.

– Юз, если вы следите за современной российской литературой, кого назовете среди лучших?

– Лучшая российская поэтесса, по-моему, – Инна Лиснянская. Не буду в очередной раз говорить, кем стал для меня как поэт и эссеист Иосиф Бродский. Люблю публицистическую прозу моего старого друга Андрея Битова, вообще считаю его живым классиком; люблю замечательную эссеистику Ольги Шамбрант. Из дебютантов назову полуспанца Рубена Гальегу – его книга о советском детстве и сердце сжимает, и льстит душе своими эстетическими достоинствами. Читаю толстые литературные журналы. В них масса разухабистости, неоправданного злоупотребления матом. Что ж, свобода – печатать можно все, хоть тиражи и сократились. Но того, что останется в веках, появляется немного – и это нормально. Сейчас продолжается переходное для России время, и как оно выразится в творчестве будущих прозаиков и поэтов – я не знаю, да и зачем гадать? ■